

УДК 124.2:165.741:316.614

УПРАВЛЕНИЕ СМЫСЛОМ В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ В ТРУДАХ У. ПИРСА И В. КРОНЕНА

Андриянова Татьяна Владимировна,
andriyanova.tv@gmail.com

Курский государственный университет,
Россия, 305004, г. Курск ул. Радищева, 29

Андриянова Татьяна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Курского государственного университета.

***Актуальность** определяется комплексным подходом к исследованию научного дискурса теории координированного управления смыслом в ракурсе основных понятий: «организация смысла», «координированное управление», «координированное управление смыслом». **Предмет** – управление смыслом в процессе взаимодействия социальных субъектов в трудах У. Пирса и В. Кронена. **Цель** работы – определение возможности управления смыслом в контексте теории коммуникации с точки зрения различных исследовательских школ; выявление структуры концепции правил и основных закономерностей ее функционирования; выработка методов исследования понятий «координированное управление» в русле межличностных правил для описания смысла действия и «координированное управление смыслом» для описания различных форм коммуникации. **Методология** основывается на коммуникативном подходе У. Пирса и В. Кронена, а также исследовательских теориях А. Маслоу, М. Селигмана, Б. Малиновского и других авторов. **Выводы:** управление смыслом в процессе взаимодействия социальных субъектов, по мнению Пирса и Кронена, возможно в транс-персональном контексте, но может восприниматься как коммуникативный барьер при попытке управления смыслами других в ситуации межличностного общения.*

Ключевые слова: Теория координированного управления смыслом, организация смысла, коммуникация, концепция правила, конститутивные правила, регулирующие правила, взаимодействие, управление.

Введение

Исследуя теорию координированного управления смыслом У. Пирса и В. Кронена, автор в предыдущих публикациях останавливал свое внимание на иерархической модели организации смысла, рассматривая коммуникацию как форму взаимодействия социальных субъектов [1]. Сформированный в рамках данной теории подход к анализу конструирования смыслов в социальной коммуникации рассматривается как основной, учитывая, что наряду с данной моделью в научном сообществе находят применение много других моделей понимания процесса управления смыслом в коммуникативном действии [2, 3].

Понятие «смысл» определяется в данном случае широко, как нечто объективно существующее в качестве отношений между фазами взаимодействий в процессе коммуникации, как фактор «приспособляемости» индивидов друг к другу в рамках социального процесса, и узко – как результат социальных практик межличностных и институциональных коммуникаций. Иерархическая модель организации смысла Пирса и Кронена выступает эвристическим инструментом для определения типов смыслов, которые производят люди и их относительных уровней абстракции. Однако модель не

описывает процесс, посредством которого сенсорный ввод преобразуется в смысл и действие, или средства, с помощью которых значения на одном уровне абстракции соотносятся с другими на этом уровне, а также с более высокими и более низкими уровнями. Поэтому исследователи представляют связи между смыслами внутри и между иерархическими уровнями в виде определенных правил. Кроме того, хотелось бы дополнительно остановиться на двух других понятиях: «координированное управление» в русле межличностных правил для описания смысла действия и «координированное управление смыслом», которое дает возможность описать различные формы коммуникации, завершая данное исследование.

Концепция правил

Выбор концепции правил обусловлен тем, что она содержит определенное представление о социальной реальности, а сами правила – это описание того, как люди обрабатывают информацию, что отличает ее от других распространенных применений в научной литературе [4, р. 139]. У Пирса и Кронена правило:

- используется в качестве «лейбла» для эмпирического обобщения, например для описания событий, которые происходят, как правило, регулярно, но не имеют общности или атомарной зависимости с законом;
- является синонимом социальной нормы и обозначает оценку или поведенческие обстоятельства, с которыми согласны практически все.

Различия между ними, как отмечают исследователи, можно увидеть в экзистенциальном локусе правила: в первом случае источник правила принимает участие в событиях, создаваемых различными субъектами (конститутивное право); во втором – источник правила находится в сообществе, т. е. обрабатывает информацию, непосредственно находясь в сознании людей (регулирующее право).

При этом Пирс и Кронен не утверждают, что конститутивные и регулирующие правила являются сущностями, которые живут, действуют и обладают полномочиями, а отмечают, что сами люди являются устойчивыми, сильными сущностями, которые обрабатывают информацию, и что конститутивные и регулирующие правила являются полезным эвристическим методом для описания того, как они обрабатывают информацию [4]. В частности, формальные модели правил служат аналогами для описания и выступают в качестве моделей измерения для эмпирических исследований, о чем речь пойдет отдельно.

Конститутивные правила

Эти правила определяют, на каком основании сенсорные входные данные считаются значениями или как значения меняют свой смысл на другом уровне абстракции. Например, утверждение «ты прекрасна» считается речевым актом «комплимент», по крайней мере иногда, учитывая эпизодическую контекстуализацию «знакомства» или контекстуализацию «друзья» [4, р. 141]. Однако контекст «аргумент» или «враг» может ввести еще одну определяющую роль, представляющую утверждение как «саркастическое оскорбление». Пирс и Кронен показывают, что такая «примитивная» форма конститутивного правила может быть представлена в виде алгебраической формулы: «В определенном контексте, если выполняются определенные предшествующие условия, значение на одном уровне абстракции считается значением на другом уровне абстракции» [4, р. 139]. Они приводят в пример игру, где игроки могут и должны нелестно отзываться друг о друге, поэтому если наступает очередь оскорблений в адрес их матери и отца, они считаются игрой и должны оцениваться как демонстрация вербаль-

ных навыков. Конститутивные правила в данном случае описывают один аспект обработки информации: присвоение значения, не касаясь процесса, с помощью которого конкретные действия считаются целесообразными, т. к. это функция регулирующих правил.

Регулирующие правила

Примитивную форму регулирующего правила Пирс и Кронен также подвергают алгебраизации и отмечают, на что она указывает: «В контексте определенного социального действия, если возникают данные предшествующие условия, существует некоторая степень принуждения за или против выполнения последующих действий» [4, р. 139]. Другими словами, данная форма указывает на то, что в контексте социального действия, если предшествующее условие сопровождается конкретным действием/действиями, то некоторые последствия должны/не должны следовать за ним. Например, обращаясь к предыдущему примеру игры: если соперник оскорбляет моих родителей, то он обязательно должен довести свое дело до конца, не обращая на меня внимания, чтобы избежать последствий проигрыша в игре. А поскольку регулирующие правила направляют последовательные действия, то они существуют только на тех уровнях иерархической модели, где значения являются временными, т. е. когнитивно реорганизуют конститутивные правила.

Структурная форма регулирующих правил выражает нечто большее, чем наше собственное «творчество» в процессе коммуникации. Она адекватна и необходима, как указывают Пирс и Кронен, для учета результатов широкого спектра исследований, посвященных социальным действиям. В частности, они приводят доказательства, что исполнение или интерпретация любого речевого акта опровергается тремя важными способами. Во-первых, как отмечал А. Кестлер, действия иерархически связаны таким образом, что значение части зависит от целого, но не наоборот [5].

Во-вторых, исследователи доказали, что временно предшествующие условия контекстуализируют, а в данном случае и уменьшают, вероятность возникновения последующих условий [6, 7]:

- определенные типы сообщений, как правило, следуют за другими указанными типами;
- ситуационные факторы неизменно составляют больший процент различий в поведении, чем черты личности;
- клинические исследования показывают, что неспособность корректировать общения в соответствии с предшествующими условиями является признаком психологического расстройства.

В-третьих, существует направление, где доказывалось, что обусловленные временем условия или ожидание того, что данное поведение вызовет определенную реакцию, также контекстуализируют последовательности поведения: анализ диад «мать–младенец» и исследование процессов в малых группах демонстрируют выбор желаемых или ожидаемых последствий для текущего поведения [8].

Модели измерений концепции правил

Изучая различные компоненты правила, Пирс и Кронен отмечают, что они изображаются как взаимосвязанные, но алгебраические формулы являются всего лишь маркерами места для связей, которые могут сильно различаться по силе: «В этом смысле формулы служат моделями измерения, поскольку мы не предполагаем, что последствия действий будут согласованными в рамках какой-либо системы правил отдельных лиц

или между системами правил различных лиц» [4, p. 145]. Они показывают связи между компонентами регулирующих правил, включающие четыре иерархических уровня, и каждая связь здесь может быть измерена как переменное сильное следствие. Исследователи отмечают, что каждая связь может быть преобразована здесь в определенное значение и каждый компонент имеет измеримую валентность, а логическая сила является функцией этих валентностей и связей:

1. Связь между действием и предшествующим событием описывает степень, в которой человек воспринимает конкретное действие или совокупность действий как вытекающие из предшествующего события или действия. Исследователи поясняют, что если эта связь сильнее любой другой, человек воспринимает свой поступок как вызванный чем-то, а не целенаправленный. Например, если у такого человека спросить, почему он так поступил, то в ответе он использует предлог «из-за», ссылаясь на предыдущие события или указывая на сильную связь между своим действием и предшествующими событиями.

2. Диапазон действия складывается независимо от источника его появления и включает в себя определенный набор действий, которые человек считает законными для выполнения, и может варьироваться. В крайних точках индивид может чувствовать, что нет никакого абсолютно законного действия (например, в проигрышной ситуации) или чего-либо законного (например, в ситуации тайны). В более обычных обстоятельствах индивид может чувствовать себя обязанным исполнить определенную роль (как актер), чтобы выбрать свой поступок из определенного набора действий.

3. Связь, вытекающая из действия, объясняется тем, что человек, поступая как актер, может чувствовать себя вынужденным совершить определенный поступок, потому что это необходимо для того, чтобы вызвать определенное последующее событие (например, ответ другого человека). Если эта связь сильнее, чем любая другая, то человек воспринимает свой поступок как целенаправленный и на вопрос, почему он это сделал, ответит: «Для того, чтобы...» и сошлется на какое-то последующее событие.

4. Связь между действием и эпизодом обнаруживается, если обратить внимание на то, что люди воспринимают взаимосвязь между конкретными действиями и конкретными эпизодами как существующую и различающуюся. Они приводят пример участия в христианской мессе, которое обязывает людей совершать определенные действия таким образом, чтобы случайные разговоры этому не мешали. Однако таинство Причастия, описанное Б. Малиновским, не обязывает к каким-либо конкретным действиям, но запрещает некоторые [9, 10]. Сила этих связей между различными эпизодами и конкретными массивами действий создает основу для структурного описания эпизодов: «Ритуалы – это эпизоды, в которых запрещены все действия, которые не являются обязательными; игры – это эпизоды, где некоторые действия являются обязательными, некоторые запрещены, а множество является законными; и необъяснимыми эпизодами являются те, в которых узаконены несовместимые действия» [4, p. 146]. Этот вывод напоминает некоторые уже существующие теории и предполагает возможность эмпирического измерения, а также дискретного анализа.

5. Взаимосвязь последовательных эпизодов заключается в том, что исполнение некоторых эпизодов может потребовать от другого человека выполнения определенного действия. Люди иногда совершают поступки, которые имеют очень слабую связь с предшествующим эпизодом и сильную – с последующим актом, который, в свою очередь, сильно влияет на следующий эпизод. Если спросить, почему они так поступают, то последует ответ: «Для того, чтобы заставить его/ее сделать то, что он/она сделал/а, потому что это важно для нашего совместного участия в этом событии». Но здесь су-

ществуют и исключения, описанные Пирсом и Кроненом, когда в некоторых запутанных социальных ситуациях может возникнуть проблема – «единственное действие, имеющее сильную связь с последствием, которое является обязательным для самого эпизода, запрещено эпизодом» [4, р. 147].

6. Связь между актом и контрактом предполагает, что конкретные межличностные отношения могут определяться набором действий запрещающего, обязывающего и законного характера (контракт), а значение конкретных действий может быть определено как выражение или обсуждение различных межличностных отношений (акт).

7. Последующая связь с контрактом выражается в потребности заставить человека совершить какое-то действие, чтобы сохранить определенные отношения или достичь их.

8. Связь контракта с эпизодом выступает как один из способов определения контракта – в него входят эпизоды, которые он обязывает, узаконивает и запрещает.

9. Связь контракта с жизненным сценарием может развиваться в двух направлениях: определение человеком самого себя может потребовать поддержания конкретных отношений, или они могут не иметь связи с жизненным сценарием [4]. Сила этой связи должна сочетаться с силой связи между контрактом и актом и т. д.

10. Связь эпизода с жизненным сценарием рассматривается сквозь призму понятия «я», измеряемого как эпизоды, которые, по мнению человека, он должен выполнить, может выполнить, а может и не выполнить.

11. Связь действия с жизненным сценарием также имеет отношение к индивидуальной концепции «я-в-действии», где ответ на вопрос «Кто я есть?» может показать, что некоторые действия требуют большей силы, чем другие. Иногда сильные связи между событиями и жизненным сценарием заставляют людей действовать способами, явно несовместимыми с требованиями эпизода или последующими желаемыми условиями.

Пирс и Кронен указывают, что данная модель измерения может быть еще более усложнена, если предположить, что каждый элемент в модели имеет валентность, варьирующуюся от сверхположительной до сверхотрицательной. Способность модели описывать широкий спектр социальных ситуаций значительно повышается за счет добавления валентности: «Люди не только могут “связывать себя в узлы”, имея противоречивые связи между компонентами, но также чувствуют себя обязанным совершать неблагоприятные поступки и не имеют возможности совершать желаемые действия. Эта способность показывать конфликты между должным и желаемым, а также сложность социальных отношений кажется нам важным атрибутом модели» [4, р. 148].

Таким образом, модель измерения иерархически организованных конститутивных и регулирующих правил Пирса и Кронена представляет индивидов как «изменчиво структурированную» систему, которая обрабатывает информацию. Ценность ее концептуализации заключается в том, что она позволяет в дальнейшем расширить модель межличностных процессов общения.

Координированное управление и система межличностных правил

В своем определении коммуникации исследователи фокусируют внимание на коллективных, совместных действиях людей, в связи с чем возникает вопрос: как следует анализировать действия отдельных людей по отношению к группе? Пирс и Кронен предлагают в соответствии с аналогией организации в ботанике, характеризовать людей как «изменчиво структурированные» системы, особенность которых проявляется, когда они, начиная принимать во внимание другого человека, становятся компонента-

ми межличностных систем. Далее они описывают характеристики и функции межличностных систем и аргументируют свою позицию в двух тезисах:

1. Правила общения индивидов переплетаются, образуя межличностную систему правил, структурно отличающуюся тем, что ей не хватает общесистемного кибернетического видения, но в каждом отдельном компоненте кибернетическое видение присутствует: «Локус смысла общения является внутриличностным, а локус действия – межличностным; общение по своей сути проблематично, потому что нет кибернетического видения, достаточно обширного, чтобы регулировать источники действия» [4, p. 148].

2. Люди как составные элементы системы потенциально только частично связаны в любой данной системе и потенциально многократно – в нескольких из них.

Исследователи отмечают, что механизм, с помощью которого люди включаются в межличностную систему, лежит в структуре регулирующих правил: в регулирующем правиле действие, совершаемое человеком в любой момент, находится между предшествующим и последующим событием, оба из которых выполняются другим человеком и иерархически контекстуализируются другими трансперсональными смыслами. При описании регулирующих правил как репрезентации внутриличностных процедур обработки информации нужно понимать, что индивиды начинают действовать в социальном контексте и важные части регулирующих правил контролируются уже другими смыслами. Кроме того, их действия становятся предпосылками и/или последствиями для действий других лиц, т. е. в самом буквальном смысле люди не действуют изолированно от других.

Термин «координация» представляется Пирсу и Кронену основным в описании межличностных действий, поскольку она по своей сути является трансперсональной и переориентирует исследование в сторону от двух менее продуктивных направлений: внутриличностного управления смыслом и межличностного управления смыслами других людей. Подкрепляя свою точку зрения, они ссылаются на авторитетные источники разных веков развития этической, религиозной и социальной мысли (Будда, Аристотель, Апостол Павел и т. д.).

Многие эти мыслители подчеркивали способность управлять своими собственными смыслами в социальных ситуациях как, возможно, самую важную предпосылку для достойной жизни. Так, Четыре Благородные Истины Будды явно апеллируют к внутриличностному управлению смыслом: причина страданий зиждется в заботе о вещах, и решение состоит в том, чтобы перестать заботиться. В свою очередь, учение Аристотеля о «срединном пути» имеет много общего с этой буддийской мыслью, но более поздние римские стоики, особенно Эпиктет, продемонстрировали более западное мышление и наиболее близко подошли к другой буддийской идее внутриличностного управления смыслом. Приводится и точка зрения основоположницы теории тоталитаризма Х. Арендт [11], утверждавшей, что концепция готовности, сознательного выбора линии действий является относительно недавним развитием идеи, впервые выраженной в полной форме Апостолом Павлом в Послании к Римлянам. Более позднее христианское богословие часто подчеркивало опыт обращения или радикальной перестройки смысла истории «Путь в Дамаск» как ключа к счастью¹.

Однако на Западе, как отмечают Пирс и Кронен, существует определенная тенденция: индивиды были более склонны управлять смыслами других народов, чем своими собственными: «С тех пор как Протагор провозгласил искусство убеждения “одно-

¹ «Путь в Дамаск» в христианской мысли обозначает поворотный пункт, водораздел, событие, после которого возврата к прошлому не существует. Исторический смысл выражение приобрело благодаря известному эпизоду из жизни Апостола Павла, описанному в Деяниях Апостолов (9: 1–9).

временно прекрасным и справедливым», ораторы, куртизанки, рекламщики и социологи посвятили невероятное количество энергии задаче выяснить, как влиять на других людей» [11] [перевод наш. – Т.А.]. Формальные трактовки этой темы варьируются от канонов аргументации до средств манипулирования, а также от невербальных сигналов при формировании впечатления до контроля информации в национальной пропаганде. Исследователи подчеркивают, что еще более важным для современных целей стал контроль над смыслами других народов как руководство для изучения и использования коммуникации. От классических авторов греческой философской мысли до настоящего времени доминирующей концепцией коммуникации было то, что В. Шрамм назвал «теорией пули» [12]. В ее контексте коммуникация – это то, что один человек отправляет другому, а содержание сообщения изоморфно эффекту. Ярчайший пример применения этой «мертвой», по мнению Пирса и Кронена, метафоры можно обнаружить в дизайне исследования К. Ховланда и его коллег, проводимого в течение более десяти лет в Йельском университете: «источник» (экспериментально разнообразный) будет производить «сообщение» (с целью манипулирования) перед «аудиторией» (с заданными характеристиками), чтобы создать определенные эффекты, которые были измерены и обработаны в качестве зависимой переменной [13].

Исследователи равновесия и коориентации от Т. Ньюкомба до С. Чаффи и Дж. Мак-Леода подчеркивали многогранные отношения между людьми, вступающими в коммуникацию как переменную, не входящую в «теорию пули». Обсуждение Ньюкомбом аутической враждебности указывало на необходимость рассмотрения определенных последствий как для источника, так и для получателя: «Люди, думающие, что они не согласны со своим другом по определенной теме, могут систематически избегать разговоров на эту тему, чтобы предотвратить обострение разногласий, которые могут угрожать их дружбе» [14]. В данной связи Пирс и Кронен подчеркивают, что если человек неправильно воспринимает несогласие, т. е. фактически соглашается, то в результате модель разговора исключает обнаружение соглашения. Эта модель управления не могла быть обнаружена с помощью исследований, построенных исключительно на метафоре «теории пули», потому что она требует изучения процессов принятия решений источником.

Аналогичным образом Чаффи и МакЛеод разработали модель оценки межличностной коориентации в определенной теме, которая позволяла различать фактическое согласие, воспринимаемое согласие (конгруэнтность) и точность, с которой каждый человек воспринимал отношение другого к теме. Они обнаружили, что общение редко влияло на согласие, но часто повышало точность, с которой каждый человек воспринимал другого [15]. Эти данные не были бы собраны в соответствии с «теорией пули» в качестве родового термина, поскольку они требуют понимания как источника, так и получателя, на которых влияет сообщение. «Теория пули», отмечают Пирс и Кронен, имеет смысл только тогда, когда она основана на позитивистской философии науки, в которой сущности определяются редукционистски: предполагается, что переменные в сообщении, черты личности и т. д. существуют и обладают стабильными свойствами.

Параллельно с этим все большее число исследователей в области коммуникации начали сомневаться в полезности подхода к коммуникации, который фокусируется исключительно на намерении убедить. Ф. Мэтсон и Э. Монтегю описали так называемую «незавершенную революцию», в ходе которой коммуникация использовалась как средство расширения человеческих возможностей выбора, а не их сокращения, убеждая человека действовать или верить определенным образом [16]. М. Бубер, К. Роджерс и другие исследователи привели другие модели коммуникации, которые не могли быть полезными при использовании «теории пули» с весомыми доказательствами их соци-

альной значимости. Проблема заключалась в зависимой переменной: если синдром искренности, точного эмпатического понимания и безусловного положительного отношения увеличивал способность людей выбирать из большего числа альтернатив, то их поведение становилось менее предсказуемым для источника сообщения или экспериментатора и это разрушало логику проверки гипотез [17, 18].

Значение этой «незавершенной революции», подчеркивают Пирс и Кронен, заключалось в системе аргументации Ф. Мэтсона и Э. Монтегю для процессов, широко описанных в развитии культуры XX в., а не ограничивающихся только сеансами психотерапии. Отметим, что и А. Маслоу сформулировал свою цель как социолога следующим образом: «Повышение способности людей предсказывать свое собственное поведение при одновременном снижении их способности быть предсказанными другими» [19], а К. Герген пришел к неутешительному выводу, что проведение исследований, и особенно публикация их результатов, неизбежно изменяет изучаемое общество, так что «социальная наука пишет историю, а не прогнозы» [20].

Координированное управление смыслом и формы коммуникации

Как отмечают Пирс и Кронен, использование понятия «координированное управление смыслом» привлекает внимание к характеристикам индивидов как обработчиков информации и к системам межличностных правил как средоточию действия, о чем уже шла речь выше. Это необходимо для объяснения форм, в которых происходит взаимодействие в процессе коммуникации, где каждый отслеживает возникающую последовательность сообщений с точки зрения следующих трех составляющих:

1. *Когерентность*. Если обратиться к степени переменной, в которой люди понимают развивающуюся последовательность сообщений, то на вопрос каждого человека «Что делает другой?» мы могли бы ответить «мы пьем кофе» или «спорим о политике», определив определенный эпизод с социокультурной точки зрения. Однако один или оба актора при этом могут указать на некоторую неуверенность: «Я думал, что мы говорили о политике, но теперь я понимаю, что она пыталась продать мне страховку» или «Я не знаю – этот разговор просто не имел никакого смысла». Так Пирс и Кронен подходят к описанию когерентности и, находясь на условной привилегированной позиции наблюдателя, приводят смысл действий обоих коммуникаторов, что делает возможным существование по крайней мере четырех ее форм.

Во-первых, это «взаимная некогерентность», где каждый отслеживает непрерывную последовательность сообщений и не может интерпретировать ее разумно: «Учитывая удивительную способность людей придавать смысл, взаимная несогласованность встречается редко, чаще всего в межкультурной коммуникации, такой как ее описал в своем романе “Сёгун” Джеймс Клавелл» [4, р. 169].

Во-вторых, это «односторонняя когерентность», когда один человек понимает смысл или непрерывную последовательность сообщений, а другой – нет. Пирс и Кронен отмечают, что это часто происходит в коммуникации между «нормальными» взрослыми и детьми; людьми с психическими проблемами или людьми, у которых был мистический или религиозный опыт. При этом она часто используется преднамеренно. Так, С. Поттер и другие авторы в игровой форме описывают тактику межличностной коммуникации, с помощью которой один человек может достичь согласованности и отказать в этом другим [21, 22]. Некоторые педагоги, политические и религиозные лидеры намеренно используют мистификацию как метод для повышения лояльности к своему делу: «Всякий раз, когда люди думают, что они понимают то, что говорит гуру, они говорят или делают что-то, чтобы рассеять чувство согласованности» [4, р. 171].

В-третьих, это координация, или «симметричная когерентность». Здесь Пирс и Кронен обращают внимание на то, что коммуникаторы никогда не имеют «доступа» к смыслам другого человека, «поскольку система межличностных правил имеет несколько кибернетических наблюдателей (лиц), ни один из которых не является общесистемным, все участники должны оценивать состояние и функции системы, сравнивая свои собственные смыслы с совместно созданной последовательностью сообщений» [4, p. 171]. Весьма вероятно, что у каждого может быть своя интерпретация происходящего, но считается, что разговор координируется, если каждый полагает, что он может понять последовательность сообщений и эти интерпретации достаточно надежны, чтобы направлять последующие действия, которые могут быть согласованы с интерпретациями.

Четвертое – «асимметричная когерентность», имеющая дело с коммуникаторами, которые на деле не могут иметь доступа к смыслам других людей, но часто действуют так, как если бы они это могли: «В частности, люди обычно относятся к согласию с другими как к чему-то очень важному, не желая допускать достаточной внутрличностной согласованности» [4, p. 171]. Например, коммуникаторы, действуя так, как если бы они знали смыслы других людей, используют сложные стратегии, в которых они намеренно вызывают согласованность в другом, что предполагает интерпретацию эпизода, отличную от их собственной. Другими словами, они вводят других в заблуждение, заставляя их думать, что они понимают ситуацию, когда на самом деле этого не происходит. Кроме этого, исследователи приводят примеры из практики:

- политики уже давно превратили в искусство умение давать информативные ответы на вопросы, ничего не раскрывая о том, что они думают на самом деле;
- история ухаживания обычно повторяется в асимметрично последовательных разговорах, и только позже «истязаемый» поклонник обнаруживает, что другой человек намеренно закреплял ложную интерпретацию развития отношений.

Таблица. Стратегии координации и коммуникативные функции [4]

Table. Coordination strategies and communication functions [4]

Коммуникативные функции Communication functions	Стратегии координации/Coordination strategies			
	Кастинг Casting	Отражение поведенческое Behavioral reflection	Отражение смысловое Semantic reflection	Переговоры Negotiation
Источник смысла Source of meaning	сам/myself	сам/myself	другой/another	общий/general
Контроль Control	сам/myself	другой/another	другой/another	взаимный/mutual
Когерентность Coherence	асимметричный asymmetric	асимметричный asymmetric	взаимный mutual	взаимный/mutual
Валентность Valence	положительная или нейтральная positive or neutral	амбивалентная ambivalent	переменная variable	неопределенная indefinite
Пример/Example	лицемерие hypocrisy	эпатирование shocking	наступление offensive	переговоры negotiation

Некоторые исследователи проанализировали лицемерие как разговорную стратегию, используемую лицами с низким статусом в жестких социальных системах для достижения асимметричной когерентности [23]. В таблице показано противопоставление асимметричной когерентности с тремя другими стратегиями координации, описанными Пирсом. Он представил «Кастинг» как ситуацию, когда у человека есть сценарий и он

ищет людей, желающих и способных выполнять различные роли в нем, далее он будет переходить от группы к группе, предлагая и распределяя роли, пока не найдет достаточно квалифицированных или послушных индивидов для выступления. «Отражение» как другая ситуация происходит, когда люди так сильно хотят быть частью актерского состава, что готовы принять любую роль в любой пьесе, куда они включены, поэтому это лицо присоединится к любой группе, которая сделает его своей частью. И наконец, «Переговоры» происходят, когда два или более человека готовы разработать сценарий, который может отличаться от того, что они изначально планировали реализовать и в этом смысле «театр импровизации» состоит из переговоров в реальном времени.

Существует структурное различие между асимметричной когерентностью и другими стратегиями координации: «Кастинг, отражение и переговоры могут проводиться как искренне, где искренность означает “быть на самом деле тем, чем кажется”, так и “с рассчитанным эффектом для другого”» [4, р. 171]. Исследователи полагают, что по крайней мере один человек, участвующий в асимметрично когерентной коммуникации, должен поддерживать двойную интерпретацию возникающего эпизода: как свою собственную и как ту, которую он идентифицирует с сознанием другого. Когда люди начинают противопоставлять свои собственные и чужие интерпретации, возникают предпосылки для состояний коориентации. Здесь вводится новая степень сложности, когда люди действуют в ответ на свое восприятие восприятием возникающего эпизода другим, а также на свое собственное. Возможность путаницы в таких ситуациях была наглядно продемонстрирована Лэйнгом.

Пирс и Штамм представили свою модель процесса коориентации, которая может быть с пользой интегрирована с концепцией логической силы [24]. Они описали состояние коориентации как сопоставление дискриминации и ожидания и обнаружили, что эти состояния влияют на последующее коммуникативное поведение. Ожидания в коориентации эквивалентны последующим условиям регулирующего правила, при этом согласие понимается так: «следующее действие другого будет узаконено моими правилами и подпадает под определение возникающего эпизода, с которым я достиг когерентности» [4, р. 173]. Если следующий поступок другого человека можно интерпретировать как продолжение возникающего эпизода, возникает состояние коориентации («предсказанное соглашение подтверждено»); если нет, то возникает противоположная ситуация («предсказанное соглашение не подтверждено»).

2. *Контроль*. Термин «контроль» занимал центральное место в мышлении многих теоретиков коммуникации. Например, Г. Миллер утверждал, что люди коммуницируют таким образом, чтобы контролировать свое окружение: оно должно быть физически, социально и эстетически привлекательным [25]. Как отмечают Пирс и Кронен, контроль можно использовать как полезный дескриптор коммуникации, но в несколько ином смысле: «вместо того чтобы использовать контроль как описание факта воздействия на окружающую среду, мы будем использовать его как функцию восприятия человеком своей способности влиять на текущие последовательности совместного поведения, в которых он участвует» [4, р. 175].

Они указывают на две причины для отказа от традиционного использования контроля. Во-первых, он не поддается классификации. Любое последствие каждого действия может быть воспринято исследователем как подтверждающий теорию пример: успешная попытка контролировать окружающую среду, учитывая, что это предполагаемая цель всех коммуникаторов со множеством желательных последствий, включающих диапазон от физического до эстетического удовлетворения. Соответственное упражнение – скорее демонстрация концептуальной гибкости исследователя, чем про-

цедура открытия чего-либо нового для коммуникации. Во-вторых, это маскирует важные различия. Путем регулирования переменной, а не постоянной величины возможно различать порядок коммуникации, который является:

- когерентным, но воспринимается вне индивидуального контроля, что М. Селигман назвал «научная беспомощность» [26];
- жестко управляемым;
- некогерентным и неконтролируемым, как, например, «безвыигрышная ситуация»;
- некогерентным, но контролируемым, таким как «координированное уклонение» по Р. Карсону.

Пирс и Кронен выделяют три, на их взгляд, ведущие формы контроля:

- Взаимный контроль, описывающий коммуникацию, в которой последовательность зависит от стратегических действий обоих участников. Таков эффект стратегии координации переговоров.
- Односторонний контроль, возникающий, когда форма сообщения отражает действие одного человека, а другой просто следует за ним. Обе стратегии координации – отражения и кастинга – являются формами одностороннего контроля.
- Взаимное отсутствие контроля описывает те коммуникативные последовательности, в которых ни один из людей не чувствует себя способным повлиять на возникающий эпизод. Исследователи приводят пример того, что взаимосвязанные правила двух людей могут создавать жесткую логику, непохожую на логику любого человека в изоляции, в этих ситуациях люди могут воспринимать то, что называется «нежелательными повторяющимися паттернами». Эти разговорные формы скоординированы в том смысле, что они взаимно согласованы, но взаимно неконтролируемы и взаимно не приемлемы.

3. *Валентность*. Валентность, как указывают Пирс и Кронен, описывает оценку человеком возникающего эпизода. Модель измерения регулятивного правила позволяет распределять валентность через конфигурацию элементов и связей, а не как единый суммирующий термин: «Это говорит о том, что для каждого человека валентность может варьироваться от однородно отрицательной через смешанную до однородно положительной и что сама диада может быть описана как обладающая любой комбинацией или этими характеристиками» [4, р. 176].

Вывод

Принимая во внимание данные, полученные с помощью теории координированного управления смыслом Пирса и Кронена, можно отметить ее значительный потенциал для дальнейших исследований в области коммуникации и социального взаимодействия [27]. Управление смыслом в процессе взаимодействия социальных субъектов возможно в трансперсональном контексте, но может восприниматься как коммуникативный барьер при попытке управления смыслами других в ситуации межличностного общения. Исследователи указывают на конкретные формы коммуникации, в которых отслеживается возникающая последовательность сообщений с точки зрения измеряемых переменных: когерентности, контроля и валентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андриянова Т.В. Организация смысла в контексте коммуникации как формы взаимодействия социальных субъектов // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – № 1 (44). – С. 66–78. DOI: 10.18799/26584956/2022/1/114.
2. Шарков Ф.И., Михайлов В.А., Михайлов С.В. Общественное мнение: информационно-коммуникативный аспект // Коммуникология. – 2019. – Т. 7. – № 1. – С. 66–77. DOI 10.21453/2311-3065-2019-7-1-66-77.
3. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация в управлении с обратной связью // Социологические исследования. – 1998. – № 10. – С. 44–50.
4. Pearce W.B., Cronen V. Communication, action, and meaning: the creation of social realities. – N.Y.: Praeger, 1980. – 337 p.
5. Koestler A. Janus: a summing up. – N.Y.: Random House, 1978. – 354 p.
6. Stech E.G. Sequential structure in human social communication // Human Communication Research. – 1975. – № 1. – P. 168–179.
7. Barry B.J., Crant M. Dyadic communication relationships in organizations: an attribution / Expectancy Approach // Organization Science. – 2000. – № 11 (6). – P. 648–664. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.11.6.648.12537>
8. Maier N.R.F., Solem A.R. Improving solution by turning choice situations into problems // Personnel Psychology. – 1962. – № 15. – P. 151–157.
9. Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages // The Meaning of Meaning / Eds. C.K. Ogden, I.A. Richards. – San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1989. – P. 296–336.
10. Korta K. Malinowski and pragmatics: claim making in the history of linguistics // Journal of Pragmatics. – 2008. – № 40 (10). – P. 1645–1660. DOI: 10.1016/j.pragma.2007.12.006.
11. Arendt H. The life of the minds: willing. – N.Y.: Harcourt, Brace and Jovanovich, 1978. – 258 p.
12. Schramm W. The nature of communication between human // The Process and Effects of Mass Communication / Eds. W. Schramm, D.F. Roberts. – Urbana: University of Illinois Press, 1971. – P. 3–54.
13. Hovland C., Janis I., Kelly H.H. Communication and persuasion. – New Haven: Yale University Press, 1953. – 315 p.
14. Newcomb T. An approach to the study of communicative acts // Psychological Review. – 1953. – № 60. – P. 393–404.
15. Chaffee S., McLeod J. Sensitization in panel design: a coorientational experiment // Journalism Quarterly. – 1968. – № 45. – P. 661–669.
16. The human dialogues: perspectives on communication / Eds. F. Matson, A. Montague. – N.Y.: Free Press, 1967. – 595 p.
17. Buber M. Between man and man. – UK: Routledge, 2002. – 288 p.
18. Morgan J.H. On becoming a person (1961) Carl Rogers' celebrated classic in memoriam // Journal of Psychology Issues in Organization Culture. – 2011. – № 2. – P. 95–105. DOI: <https://doi.org/10.1002/jpoc.20072>.
19. Maslow A. The psychology of science: a reconnaissance. – New York: Harper & Row, 1966. – 168 p.
20. Gergen K. Toward generative theory // Journal of Personality and Social Psychology. – 1978. – № 30. – V. 1. – P. 344–360.
21. Potter S. The complete upmanship. – N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1971. – 349 p.
22. Тирни Дж., Баумайстер Р. Эффект негативности. Как способность замечать плохое трансформирует нашу реальность. – М: Litres, 2021. – 350 с.
23. Jackson R.L. II, Brown Givens S.M. Black pioneers in communication research. – London: SAGE, 2006. – 280 p.
24. Stamm K.R., Pearce W.B. Communication behavior and coorientational relations // Journal of Communication. – 1971. – № 21. – P. 208–220.
25. Miller G.R., Steinberg M. Between people: a new analysis of interpersonal communication. – Palo Alto, Calif.: Science Research Associates, 1975. – 367 p.
26. Seligman M.E.P. Helplessness: on depression, development and death. – San Francisco: W.H. Freeman, 1992. – 250 p.
27. Андриянова Т.В. Управленческий дискурс в коммуникационных теориях второй половины XX – начале XXI веков. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2021. – 176 с.

Поступила 17.02.2022 г.

UDC 124.2:165.741:316.614

MEANING MANAGEMENT IN THE PROCESS OF INTERACTION OF SOCIAL SUBJECTS IN THE WORKS OF W. PIERCE AND W. CRONEN

Tatiana V. Andriyanova,
andriyanova.tv@gmail.com

Kursk State University,
29, Radishchev street, Kursk, 305004, Russia

Tatiana V. Andriyanova, Cand. Sc., associate professor, Kursk State University.

The relevance of the research is determined by a comprehensive approach to the study of the scientific discourse of the theory of coordinated management of meaning from the perspective of the basic concepts: «organization of meaning», «coordinated management», «coordinated management of meaning». **The subject** management of meaning in the process of interaction of social subjects in the works in the context of the theory of W. Pierce and V. Cronen. **The purpose** of the work is to determine the possibility of managing meaning in the context of communication theory from the point of view of various research schools; to identify the structure of the concept of rules and the basic laws of its functioning; development of research methods for the concepts of «coordinated management» in line with interpersonal rules to describe the meaning of action and «coordinated management of meaning» to describe various forms of communication. **The methodology** is based on the communicative approach of W. Pearce and V. Cronen, as well as the research theories of A. Maslow, M. Seligman, B. Malinowski and others. **Conclusions.** According to Pierce and Cronen, the management of meaning in the process of interaction of social subjects is possible in a transpersonal context, but it can be perceived as a communicative barrier when trying to manage the meanings of others in a situation of interpersonal communication.

Key words: Theory of coordinated management of meaning, organization of meaning, communication, concept of rule, constitutive rules, regulations, interaction, management.

REFERENCES

1. Andriyanova T.V. Organization of meaning in the context of communication as a form of interaction of social subjects. *Journal of Wellbeing Technologies*, 2022, no. 1 (44). pp. 66–78. In Rus. DOI: <https://doi.org/10.18799/26584956/2022/1/1145>.
2. Sharkov F.I., Mikhaylov V.A., Mikhaylov S.V. Obshchestvennoe mnenie: informatsionno-kommunikativny aspekt [Public opinion: information and communication aspect]. *Kommunikologiya*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 66–77. DOI 10.21453/2311-3065-2019-7-1-66-77.
3. Dridze T.M. Sotsialnaya kommunikatsiya v upravlenii s obratnoy svyazyu [Social communication in feedback management]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1998, no. 10, pp. 44–50.
4. Pearce W.B., Cronen V. *Communication, action, and meaning: the creation of social realities*. N.Y., Praeger, 1980. 337 p.
5. Koestler A. *Janus: a summing up*. N.Y., Random House, 1978. 354 p.
6. Stech E.G. Sequential structure in human social communication. *Human Communication Research*, 1975, no. 1, pp. 168–179.
7. Barry B.J., Crant M. Dyadic communication relationships in organizations: an attribution / Expectancy Approach. *Organization Science*, 2000, no. 11 (6), pp. 648–664. DOI: <https://doi.org/10.1287/orsc.11.6.648.12537>
8. Maier N.R.F., Solem A.R. Improving solution by turning choice situations into problems. *Personnel Psychology*, 1962, no. 15, pp. 151–157.
9. Malinowski B. The problem of meaning in primitive languages. *The Meaning of Meaning*. Eds. C.K. Ogden, I.A. Richards. San Diego, Harcourt Brace Jovanovich, 1989, pp. 296–336.

10. Korta K. Malinowski and pragmatics: claim making in the history of linguistics. *Journal of Pragmatics*, 2008, no. 40 (10), pp. 1645–1660. DOI: 10.1016/j.pragma.2007.12.006.
11. Arendt H. *The life of the minds: willing*. N.Y., Harcourt, Brace and Jovanovich, 1978. 258 p.
12. Schramm W. The nature of communication between human. *The Process and Effects of Mass Communication*. Eds. W. Schramm, D.F. Roberts. Urbana, University of Illinois Press, 1971. pp. 3–54.
13. Hovland C., Janis I., Kelly H.H. *Communication and Persuasion*. New Haven, Yale University Press, 1953. 315 p.
14. Newcomb T. An approach to the study of communicative acts. *Psychological Review*, 1953, no. 60, pp. 393–404.
15. Chaffee S., McLeod J. Sensitization in panel design: a coorientational experiment. *Journalism Quarterly*, 1968, no. 45, pp. 661–669.
16. *The human dialogues: perspectives on communication*. Eds. F. Matson, A. Montague. N.Y., Free Press, 1967. 595 p.
17. Buber M. *Between man and man*. UK, Routledge, 2002. 288 p.
18. Morgan J.H. On becoming a person (1961) Carl Rogers' celebrated classic in memoriam. *Journal of Psychology Issues in Organization Culture*, 2011, no. 2, pp. 95–105. DOI: <https://doi.org/10.1002/jpoc.20072>.
19. Maslow A. *The psychology of science: a reconnaissance*. New York, Harper & Row, 1966. 168 p.
20. Gergen K. Toward generative theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1978, no. 30, vol. 1, pp. 344–360.
21. Potter S. *The complete upmanship*. N.Y., Holt, Rinehart and Winston, 1971. 349 p.
22. Tirni Dzh., Baumayster R. *Effekt negativnosti. Kak sposobnost zamechat plokhoe transformiruet nashu realnost* [Negativity effect. How the ability to notice the bad transforms our reality]. Moscow, Litres Publ., 2021. 350 p.
23. Jackson R.L. II, Brown Givens S.M. *Black pioneers in communication research*. London, SAGE, 2006. 280 p.
24. Stamm K.R., Pearce W.B. Communication behavior and coorientational relations. *Journal of Communication*, 1971, no. 21, pp. 208–220.
25. Miller G.R., Steinberg M. *Between people: a new analysis of interpersonal communication*. Palo Alto, Calif, Science Research Associates, 1975. 367 p.
26. Seligman M.E.P. *Helplessness: on depression, development and death*. San Francisco, W.H. Freeman, 1992. 250 p.
27. Andriyanova T.V. *Upravlencheskiy diskurs v kommunikatsionnykh teoriyakh vtoroy poloviny XX – nachale XXI vekov* [Management discourse in communication theories of the second half of the 20th – early 21st centuries]. Kursk, Kursk State University Publ., 2021. 176 p.

Received: 17 February 2022.